УДК 39(=511.2)

В.И. Сподина

Сравнительно-исторический анализ традиционной культуры: черты сходства и различий обских угров и самодийцев

Аннотация. В статье поставлена задача историко-сравнительного анализа традиционной культуры ханты, манси и ненцев. Раскрыты основания для такого подхода: особенности природно-климатических условий, повлиявших на характер хозяйственно-культурных типов; наличие длительных этнических связей между обскими уграми и самодийцами; сходство в способах ведения хозяйства, образе жизни, типах поселений и конструкций жилищ, средствах транспорта, пищевом рационе и кухне, религиозных воззрениях и обрядах. Обращено внимание на древние автохтонные черты в материальной культуре и элементы заимствований южного происхождения. Отмечена специфика одной из дискуссионных тем – тотемизма – у ханты, манси и ненцев.

Ключевые слова: обские угры, самодийцы, хозяйственно-культурный облик, материальная культура, Обь-Иртышский бассейн, сходство и различие, заимствование, аборигенные черты, северо-азиатское влияние, тотемизм.

V.I. Spodina

A comparative-historical analysis of traditional culture: similarities and differences of the Ob-Ugric and Samoyedic peoples

Abstract. In article posed the problem of the historical and comparative analysis of the Khanty, Mansi and Nenets traditional culture. The reasons are disclosed for this approach: features of the climatic conditions that influenced the nature of economic-cultural types; the presence of prolonged relations between the ethnic and Ob-Ugric Samoedic peoples; the similarity in the practices, lifestyle, types of settlements and structures dwellings, means of transportation, routine food and cooking, religious beliefs and rituals. Attention is drawn to the ancient autochthonous traits in the material culture and borrowing elements of southern origin. The specificity of one of the discussion topics is a totemism in Khanty, Mansi, and Nenets.

Keywords: Ob-Ugric peoples, Samoyedic peoples, economic and cultural character, material culture, The Ob-Irtysh basin, similarity and difference, borrowing, aboriginal features, the North-Asian influence, totemism.

По степени освоенности методов этнологической науки важное место отводится сравнительно-историческому, как методу интерпретации накопленных фактов. Он имеет большое значение в принципиально-научном отношении, особенно в тех случаях, когда речь идёт о выявлении причин этнической специфики, сходных черт и различий в культуре этносов. Каждое сравнительно-историческое исследование ставит перед собой конкретные познавательные цели, определяющие круг источников и особенности используемых способов сравнений. В исследовательской практике в основном применяются три вида сравнений: 1) историко-типологические (изучающие сходство конвергентных явлений); 2) историко-генетические (исследующие явления, имеющие генетическую связь в их эпохальном развитии, т.е. диахронию); 3) историко-диффузионные (изучающие явления, распространяющиеся в результате заимствований). Данный метод достаточно продуктивен при поиске недостающих звеньев традиционной культуры, а также при аргументации спорных положений и выводов. Например, благодаря материалам, собранным среди аганских ханты, нам удалось аргументированно поставить вопрос о самоназвании аганских лесных ненцев, как “болотных” (выӈ’ неша’ “болотные люди”). Во многих произведениях ненецкого фольклора действие, как правило, разворачивается среди болот. В сказке Выӈ’ тяӈ вейсику “Болотной земли

мужичище", записанной нами с помощью хантыйки А.С. Казамкиной (Айваседа), единоборство героев происходит в чуме среди болот. В другой ненецкой сказке Ня'хад каса ӈашки "Три мужских ребёнка" ("Три брата") герой с помощью вещей старушки, также живущей в чуме среди болот, находит своё счастье. Ханты с р. Аган в общении с ненцами используют выражение нёрым ики "болотный человек" или шуточное нёрым севыт-колыӈкыт "болот сороки-вороны". Наш информант – лесной ненец П.Я. Айваседа – пояснил, что болотные ненцы, как и эти птицы, никогда не останутся голодными и выживут в любое время года. Хантыйка П.В. Казамкина подметила, что у аганских хантов сорока ассоциируется с понятием "скачет" в значении "кочует" [П.В. Казамкина, пос. Варьёган. 1999]. Таким образом, в понятии "болотный ненец" аганскими хантами подчёркивается их "кочевой характер ведения хозяйства, связанный с особенностями выпаса оленей в условиях заболоченных территорий" [1, 12].

Для широкого историко-сравнительного анализа традиционной культуры обских угров и самодийцев имеются веские основания. Равнинный таёжно-болотный ландшафт бассейна рек Обь и Иртыш, с их многочисленными притоками, не мог не повлиять на историю коренных народов, населяющих этот край. В.Н. Чернецов в своём докладе "К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре" (1964) на VII Международном конгрессе антропологических и исторических наук отметил, что естественно-географические условия "могли ускорять или замедлять развитие культур" [Цитир. по: 2, 113]. Эти обстоятельства обусловили впоследствии развитие разных хозяйственно-культурных типов (ХКТ). Вводя понятие "хозяйственно-культурные типы", М.Г. Левин и Н.Н. Чебоксаров пишут, что имеют в виду "исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определённых естественно-географических условиях, при определённом уровне их социально-экономического развития" [3, 4].

Одним из первых исследователей, обративших внимание на взаимосвязь особенностей традиционных занятий с содержанием хозяйственно-культурного облика этносов, является З.П. Соколова [4, 225–299]. Ещё в 1955–1956 гг. в своей диссертационной работе [5] она разделила обских угров по типу хозяйства и облику культуры на четыре ХКТ, взяв за основу литературные данные XVIII-XX вв.: 1) кочевых и полукочевых оленеводов тундры и лесотундры; 2) оседлого населения на р. Обь и Иртыш с низовьями их притоков, где главным занятием было рыболовство; 3) оседлого и полуоседлого населения среднего течения притоков Оби и Иртыша, где рыболовство и охота нередко сочетались в равном отношении; 4) оседлого и полуоседлого населения верховий обских и иртышских притоков, где охота имела бóльшее значение, чем рыболовство. Исследователь отмечает, что в XIX–начале XX вв. "обские ханты наряду с рыболовством занимались земледелием и животноводством", кроме того "подсобное значение имели лесные промыслы – сбор ягод, орехов, а на Конде – и рубка леса", что можно рассматривать как наличие пятого ХКТ [6, 115]. А.В. Головнёв выделяет в культуре ханты и манси пять ХКТ: таёжный предуральский, глубинно-таёжный, приречно-таёжный, южно-таёжный, тундрово-лесной [7, 41], которые в целом совпадают с типологией З.П. Соколовой, представленной в 1957 г. Е.Г. Фёдорова в целом приняла классификацию З.П. Соколовой, особо выделив интегрированный ХКТ, характерный для южных и юго-западных групп ханты и манси, "где земледелие или огородничество, наряду со скотоводством, выходили на одно из первых мест" [8, 153]. В монографии 2009 г. З.П. Соколова уточнила и дополнила свою классификацию, обратив внимание на необходимость уточнения временны́х рамок классификации ХКТ обских угров. "То, что предложено мной, – отмечает З.П. Соколова, – и, возможно, А.В. Головнёвым и Е.Г. Фёдоровой, действительно для периода XVII–середины XIX вв. В более ранний период (до

освоения оленеводства, до XVII–XV вв.) основными занятиями везде были охота и рыболовство… С переселением в Сибирь русского и иного населения, освоением ими Обско-Иртышского бассейна, особенно во второй половине XIX и в XX вв., развитием промышленного рыболовства, уменьшением численности зверя в лесах (и в связи с этим заменой выплаты ясака деньгами) охота стала играть меньшую роль, даже в верховьях речек. Практически почти везде рыболовство стало преобладающим занятием ханты и манси, что наблюдается и сейчас в тех местах, где можно ловить рыбу" [6, 116–117]. Не составляют исключения локальные группы лесных ненцев, живущих по рекам Аган, Пур, Вынгапур и их притокам. Несмотря на то, что основными хозяйственными промыслами (в условиях таёжно-самодийского промыслово-оленеводческого ХКТ) были охота на дикого оленя, лося, мелкого зверя и дичь [9, 47], полевые материалы автора позволяют судить о том, что у лесных ненцев занятие рыболовством было практически круглогодичным [10, 129–145].

Понимая всю условность и относительность такого разделения, З.П. Соколова акцентирует внимание на главной особенности хозяйства обских угров – его комплексность и тесное переплетение различных хозяйственных занятий в зависимости от окружающей природной среды. Для целей нашей статьи важным является замечание исследователя о том, что "таёжные охотники, рыболовы и оленеводы по своему хозяйственно-культурному типу очень близки лесным ненцам, группам северных селькупов, отдельным группам эвенков, долган. Сходство проявляется в способах ведения хозяйства, образе жизни, типах поселений и конструкций жилищ, средствах транспорта, пищевом рационе и кухне, религиозных воззрениях и обрядах" [11, 30]. Действительно, в хозяйстве и культуре обских угров и самодийцев обнаруживаются заметные черты сходства, обусловленные, в том числе, и близостью территории расселения, что хорошо отображено на карте (рис.1), помещённой в монографии Т.Н. Троицкой и А.В. Новикова "Этнография малочисленных народов севера Сибири" (2010). Н.В. Лукина обратила внимание на аналогичные черты оленеводства ваховских ханты с оленеводством лесных ненцев: "вольный отпуск оленей в осенне-летний период, устройство дымокуров и специальных построек, применение колодок, наличие небольших стад, транспортное назначение оленей, слабое отражение оленеводства в духовной культуре" [12, 163]. К оригинальным особенностям оленеводства ваховских ханты З.П. Соколова относит умение "ездить верхом на оленях, наличие вьючных сумок, запряжка оленей как в оленьи, так и собачьи нарты, езда верхом на нарте" [6, 118]. Влияние ненецкой культуры на хантыйскую прослеживается и в охотничьем инвентаре. Вильчатый железный наконечник на Конде, Югане, Пелыме получил название йорн вэп [2, 100], вероятно йонр вэх "ненцекое железо" (В.С.).

Как убедительно показала в своих работах З.П. Соколова, сходство и различие прослеживаются также в типах поселений и жилищ обских угров и самодийцев. Так, кочевые стойбища северных ханты и ненцев располагались на маршрутах кочевания оленьих стад, состояли в основном из 1–3 чумов, которые располагались на значительном расстоянии друг от друга. Самодийский тип чума (верхушки 2–3 основных шестов соединены верёвочной петлёй, очажный крюк крепится к двум специальным горизонтальным жердям, скреплённым с жердями чума и особой жердью – сим са) находит соответствие и в хантыйской культуре. Чум манси-оленеводов (йорн-коль, сас-коль) также – самодийского типа [13, 9, 44]. У восточных ханты встречаются чумы (пурр-кат, вах. хант.) с внутренним обручем в вершине дымового отверстия, скрепляющим жерди чума, как у кетов. В чумах ненецкого типа костры устанавливались на железных листах, а в чумах обских угров лесного типа – в центре на земле [6, 169, 183]. Интересно отметить, что, по поверьям лесных ненцев, дети появляются из ямки под очажным листом [1, 32]. Для самодийского типа чума северных хан-

ты характерны также особой (трапециевидной) формы покрышки: зимние – из оленьих шкур, летние – из бересты. Несмотря на то, что размеры чума не могут быть безусловным критерием для его типологии, тем не менее, по материалам З.П. Соколовой угорские и самодийские чумы имели схожие размеры (диаметром 3–5 м.). Угорский и самодийский тип планировки чума характеризует аналогичное зонирование внутреннего пространства: мужским местом являлось пространство от центра жилища к основной несущей жерди симса, а женское – от центра к входу. Лучшие, почётные места располагались посередине слева, напротив основных шестов, а менее почётные – также напротив основного шеста симса, но справа [14, 232; 13, 16, 176, 183].

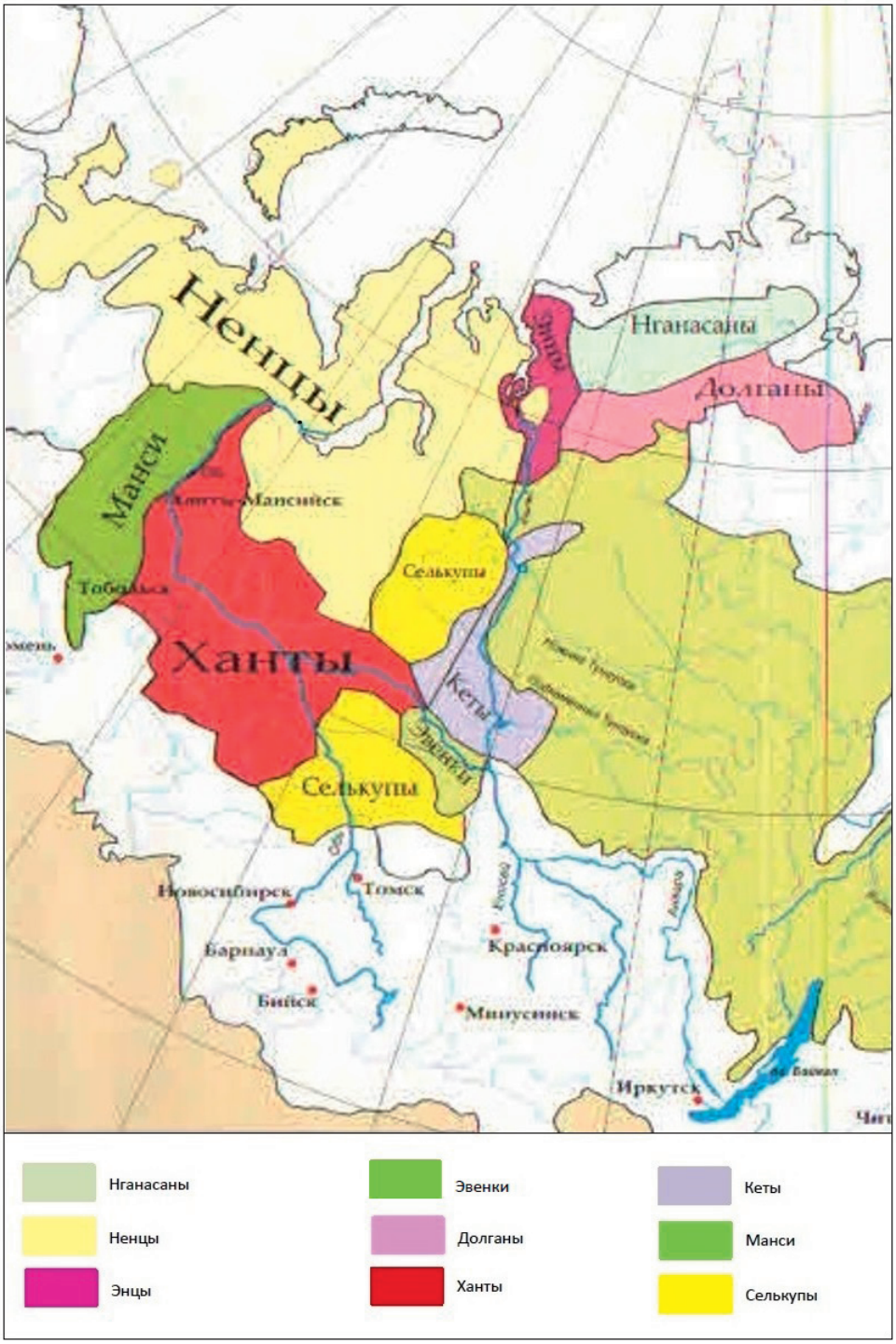


Рис. 1. Карта расселения коренных народов Сибири (фрагмент)

Неоднозначностью суждений отличается вопрос о происхождении зимней глухой одежды ханты и манси – малицы. Г.Н. Прокофьев и В.Н. Чернецов полагали, что ненцы, придя на север, заимствовали глухую одежду у местного населения [15; 16, 172]. Л.В. Хомич, используя материалы С.В. Мартынова [17], Н.Ф. Прытковой [18], приходит к заключению: "Зимняя мужская одежда ненцев с незначительными изменениями была воспринята в течение XVII-XIX вв. северными ханты и манси, а также русскими и коми, проживающими на территории расселения ненцев" [19, 122]. Е.Г. Фёдорова отводила главную роль в формировании зимней мужской глухой одежды манси, а Н.В. Лукина – ваховским ханты. Л.В. Хомич зимнюю распашную одежду ханты считает заимствованной у ненцев. Однако её ненецкое название хаби паны, переводится, как "хантыйская шуба" [Устное сообщение Е.Т. Пушкарёвой, приведённое З.П. Соколовой – 6, 229]. Н.В. Лукина, признавая самодийское влияние на способы украшения зимней верхней распашной одежды ханты (наплечные полосы из сукна и ленточки из того же материала на стане), тем не менее, не разделяет точку зрения Л.В. Хомич о заимствовании в целом шубы анализируемого типа северными ханты от ненцев [20, 179]. З.П. Соколова придерживается мнения, что зимняя глухая одежда ханты и манси (малица) заимствована у ненцев вместе с оленеводством ещё ранее и приходит к следующему выводу: "Считать глухую одежду более древней, унаследованной от арктического аборигенного уральского населения, а распашную – более поздней, воспринятой от пришлых южных степных племён (андроновцев? угров?), очевидно, вполне логично" [2, 104].

Опираясь на работы по материальной культуре Н.Ф. Прытковой [18; 21], Н.В. Лукиной [12; 20], П.Е. Бардиной [22], А.А. Богордаевой [23] и др., а также собственные сравнительно-типологические исследования компонентов одежды обских угров [24; 25], З.П. Соколова обращает внимание на различные компоненты, вошедшие в её состав. К универсальным элементам одежды исследователь относит "прямую туникообразную рубаху и халат (западно-сибирский тип), рубаху с поликами, с "хвостом", матерчатые пояса, поршневидную обувь, возможно, штаны". Аборигенными или уральскими (западно-сибирские, угорско-самодийские) элементами, по мнению З.П. Соколовой, являются пояс-вороп, распашная одежда восточных ханты с запáхом, колек, малица со швом, парка, одежда с плечевыми и боковыми швами, меховые и ровдужные сапоги, зооморфные подвески ложных кос и др. К южно-угорским элементам исследователь относит "типы туникообразной глухой и распашной одежды (расширяющаяся рубаха-туника, распашной тканевый халат и суконный кафтан типа венгерского сюр), манеру ношения платка-покрывала, тип ровдужных сапог с косым срезом голенища, черки, подтяжки и подвязки к обуви, шапки-колпаки, мужскую причёску в виде двух ложных кос, косоплётки и ложные косы". В качестве элементов самодийского заимствования З.П. Соколова указывает малицу, совик, унтовидную обувь, а финно-угорских – "типы холщовых рубах и халатов, вышитых шерстью, плетёные или вязаные пояса, вязаные носки и рукавицы, нагрудные бисерные украшения…" [6, 262–263].

К интересным выводам приходят этнографы на основе анализа отдельных элементов одежды и обуви. Н.В. Лукина предположительно связывает ношение женских зимних шуб без пояса на Вахе и Тромъегане с северо-хантыйским влиянием. "Шерстяные опояски восточных хантов, – отмечает исследователь, – были характерны для Васюгана, Салыма и в меньшей мере для других групп. В отличие от северных ханты, завязывающих опояски по-ненецки, с помощью кольца, у исследуемых групп их завязывали так же, как матерчатые пояса". Н.В. Лукина указывает, что набор поясов (матерчатый, тканевый,

кожаный и простая верёвка) обнаруживает сходство у восточных ханты и алтайских народов [20, 195, 196, 198].

Одним из этнодифференцирующим (хотя и не всегда точным) признаком считается направление запáха у распашной одежды. Так, запáх налево выполнялся восточными ханты и соответствует направлению запáха у кетов. "Левый запáх, – указывает Н.В. Лукина, – практиковался, но наряду со стыковкой пол, у селькупов и манси, а также у ненцев в шубах собственно ненецкого происхождения. Таким образом, этот признак представлен у обских угров, самодийцев и кетов; возможно его отнесение к числу древних местных черт" [20, 184]. Типы обуви народов Сибири также сохраняют черты заимствований. Г.М. Василевич отмечает, что "обувь северных групп ханты и манси, так же как и обувь ненцев, сохраняет следы происхождения их с юга и древнего знакомства с верховой ездой (косой срез верхнего края голенища в ровдужной обуви). Она отражает также древние связи с пешими, по-видимому тунгусо-язычными, охотниками тайги… (поршень, пришитый к голенищу), тесные связи с аборигенами – приречными рыболовами Приобья (черок с голенищем) и позднейшие связи северных ханты и манси с ненцами (зимняя обувь)" [26, 61].

Н.В. Лукина обратила внимание на субстратные (североазиатские или западносибирские) компоненты в пищевых традициях ханты. К североазиатским чертам она относит смешивание рыбы и мяса с ягодами перед едой, растительные чаи, использование мухомора и особое отношение к мясу медведя, к западносибирским (уральским) – сыроядение рыбы и мяса, слабую роль растительных продуктов, поджаривание рыбы на рожнах у костра, изготовление рыбной муки [27, 69]. С данными выводами в основном соглашается З.П. Соколова, замечая, что "вряд ли реально считать некоторые из этих способов более ранними, другие – более поздними" [6, 270]. Заслуживает внимания вывод Н.В. Лукиной о том, что не только основной состав восточно-хантыйской пищи, но и связанной с ней утвари указывает на формирование этого комплекса традиционной культуры у местных жителей Западной Сибири под влиянием саяно-алтайского населения. Местный субстратный пласт она объясняет наследием уральского населения, в котором "есть как североазиатские (палеосибирские), так и западно-сибирские, а точнее приобские, черты". В то же время исследовательница связывает южные черты в пищевых традициях западных ханты и особенно манси с иранским миром [28, 133].

Тесные связи ханты и манси с ненцами прослеживаются не только в материальной культуре, но и в общественном строе, в формах социальной организации, религии. Особенно это касается смешения аборигенных и пришлых элементов в дуально-фратриальной системе обских угров и самодийцев. Ещё Б.О. Долгих отметил у этих народов сохранившиеся черты дуально-фратриальной системы. Он высказал мнение о том, что одну фратрию обдорских ненцев образовали потомки аборигенов Севера, другую – потомки пришельцев-оленеводов [29, 7, 8]. Сходные взгляды на происхождение дуально-фратриальной системы у обских угров и ненцев разделял В. Штейниц, который считал этноним фратрии Пор аборигенным, а Мось – угорским [30, 185]. З.П. Соколова, отмечая недостаточную доказательность таких выводов, тем не менее указывает, что "термин Пор встречается на очень широкой территории – от северных и северо-западных районов Удмуртии на западе до Средней Оби на востоке", и что у ханты и манси он является названием фратрии, а также именем фольклорного персонажа Пырнэ [31, 20]. Похожие названия отмечены в фольклоре лесных ненцев (Палнэ) и аганской группы сургутских ханты (Порнэ, Парнэ) [ПМА, пос. Варьёган, р. Аган. 1998]. В любом случае зарождение дуально-фратриальной системы у обских угров (как и у ненцев, селькупов) достаточно древнее и могло происходить не позднее II тыс. до

н.э. [32; 6, 342–343]. Интересные данные получены З.П. Соколовой при исследовании материалов ревизских сказок. Анализ ненецких и хантыйских имён позволил исследователю высказать гипотезу о том, что “северо-хантыйские и ненецкие имена и обычаи, связанные с их наречением, могут иметь корни в древнем аборигенном пласте и сохраниться со времени уральского единства аборигенов Западной Сибири” [33, 53].

Обнаруживаются аналогии у ханты, манси и ненцев в области представлений о мироздании и религии: представление о трёх мирах (Нижнем, Среднем и Верхнем), элементы промыслового культа, представление о душе, культ предков и др. Среди всего многообразия космологических представлений совершенно особое место занимает модель, которую условно можно назвать концепцией “многоэтажной” Вселенной. Суть её заключается в том, что мироздание подразделяется на несколько располагающихся один над другим миров. В известной мере они самостоятельны, но при этом скреплены в единое целое. Это небеса, населённые богами (Верхний мир); земля – обитель людей и всего живого (Средний мир) и преисподняя – где живут всевозможные злые духи (Нижний мир). Как правило, Верхний и Нижний миры в свою очередь подразделяются на отдельные ярусы, которые взаимосвязаны и взаимопроницаемы. Эти три мира у разных народов могут называться по-своему. Например, сургутские ханты называют их делениями саӈки (рис. 2): первый мир связывают с Землёй (Мəӽ Саӈки, Мəӽ Ими Саӈки, Най Саӈки, Нӑри Саӈки), второй мир – с пространством, в котором мы живём (Тэм Саӈки), и третий – с Небом (Нум Саӈки, Төрəм Саӈки), причём все миры проницаемы друг для друга, постоянно взаимодействуют, накладываются один на другой [34, 69].

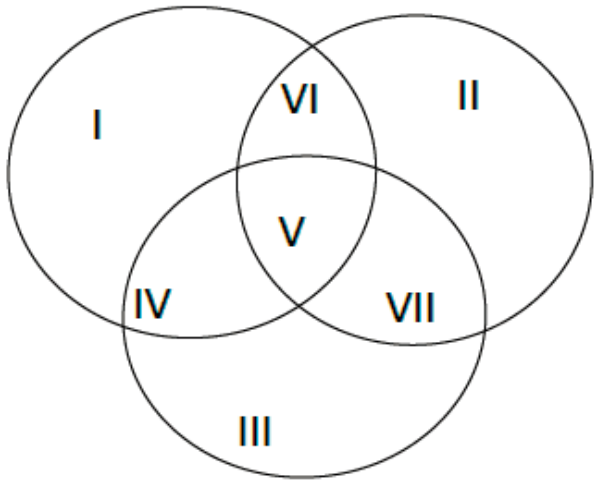


Рис. 2. Схематическое деление Вселенной [по А.С. Песиковой]

Рассматривая обитаемую модель Вселенной Е.Т. Пушкарёва и А.А. Бурыкин отмечают: “Если мы начинаем оценивать различия между представлениями об устройстве Вселенной у разных народов, мы увидим, что различия эти прослеживаются не только по отдельным культурным областям Сибири, но часто отмечаются во взглядах одного и того же народа” [35, 37]. Действительно, разным группам обских угров Верхний и Нижний миры представляются состоящими из трёх, пяти или семи слоёв-ярусов, по-разному им “видится” и сама структура Вселенной. У ханты превалирует представление о семислойности Верхнего и Нижнего миров. В традиционном мировоззрении ханты юганско-пимского ареала присутствует членение

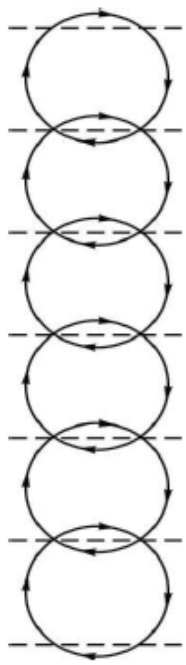
Верхнего и Нижнего миров “на семь планет-ярусов”. Васюганские ханты описывают семь ярусов Верхнего мира [36, 158, 193]. Ханты с р. Юган также представляли Верхний и Нижний миры состоящими из семи слоёв (частей, уровней) и обозначали их словом таплтэв: Верхний мир – Нумтаплтэв (“Верхнее семичастье”), Нижний мир – Ыыт-таплтэв (“Нижнее семичастье”) [37, 111]. Когда шаман юганских ханты “хотел причинить человеку зло, он говорил: “Я отправляю его на семь слоёв вниз” [38, 285]. Аганские ханты также полагали, что Небо состоит из семи железных слоёв (лапэт ваӽ) [39, 220].

Северные манси сохранили аналогичное представление о трёх мирах Вселенной: торум “небо” – верхний (небесный), ма “земля” – средний (земной), ёлы ма “нижняя земля” – нижний подземный мир. Трёхуровневая модель описывается в мансийском “Священном сказании о сотворении земли”, в котором Тāрыг-Пēсь-Нималя-Сов (букв.: Кожица-из-Бедра-Журавля) в облике молодого гуся гоняется за своим соперником Парапарсехом (вороном) сначала в небе, затем на земле и, наконец, под землёй [40, 147].

В.Н. Чернецов у ляпинских, верхнелозьвинских и верхнесосьвинских манси отмечает наличие трёх слоёв Верхнего мира (Нуми торум “Верхнее небо”, Корс торум “Высокое небо”, Кощар торум “Кощара небо”), трёх – Нижнего (Ёлы ма “Нижний мир”, Люльнэ сув карсыт ма “Мир вышыной с хорей” и Амп лэг карсыт ма “Мир вышыной с собачий хвост” (в другом варианте – Амп лёнгхе люлит ма “Мир высотой с собачий след”) и Средний мир [41, 20–21; 42, 154]. В.С. Иванова зафиксировала у верхне- и среднесосьвинских манси представление о четырёхслойном пространстве: ты ма “этот мир”, Нуми торум “Верхний мир”, Карыс торум “Высокое небо”, и Ёлы ма “Нижний мир”. Двухслойность Верхнего мира ею отмечена у среднесосьвинских и нижнесосьвинских манси [43, 40, 87]. Е.Г. Фёдорова отмечает наличие у манси до пятнадцати ярусов мироздания [44, 130].

Оригинальная картина “семиэтажного” мира представлена Е.И. Ромбандеевой. Согласно выявленной ею небесной топографии, деление Вселенной у ляпинских манси возможно представить следующим образом: I – Ёлы торум “Нижнее царство”, или “Нижний мир”. II – Ялпынг ма “Священная земля”, III – Ма унлуп “Земное царство”, IV – Торум “Небо”, Атырхари торум “Голубое небо” – воздушное пространство над землёй, V – Нуми торум “Верхнее небо” – слой, в котором живут духи, VI – Опыль – самый верхний слой жизненного пространства, VII – Корс торум/Карс торум “Высокое небо” – слой, где обитают всемогущие духи [40, 147]. Наиболее полная версия ею развёрнута в монографии “Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей”. Автор справедливо отмечает, что все слои жизненного пространства “тесно взаимосвязаны между собой по соседству непрерывным круговым движением по часовой стрелке” [45, 380], что образует упорядоченную систему Мироздания (рис. 3).

Тундровым ненцам, живущим на северо-западе Сибири, Вселенная также представлялась состоящей из трёх миров. Верхний, простирающийся над землёй, видится им в качестве выпуклого свода, упирающегося краями в землю наподобие опрокинутой чаши. Он состоит из семи (или трёх) этажей, на которых живут небесные люди. Шаманские песни тундровых ненцев сообщают, что Нум, Великий отец, живёт на “седьмом небе”: когда Ңа вылетал “из дымового отверстия железного чума, грохот на седьмом небе слышен” [46, 185, 189 и др.]. Нижний мир состоял из семи земель-ярусов, на верхней из которых живут маленькие человечки “сихиртя” (сиртя, сииртя, сихиртя – название мифологического народа, ушедшего в сопки и живущего под землёй) [9, 225]. Небом для них служит наша земля.



VII – *Корс*, букв. “Высокий” – недоступный для человека слой.	Высший
VI – *Ӧпыль*, от манс. ӧпа “дед”, тоже недоступный для человека слой.	Неактивный мир в понимании человека-манси
V – *Нуми Тӧрум* “Верхний мир” . Верхний мир – мир Духов-Богов – необозримый для человека.	Духи-Хранители манси (вогулов)
IV – *Тӧрум* “Небо” – это то, что голубеет над головой человека – обозреваемый человеком.	Огонь-Гром и Молния
III – *Посыӈ Тӧрум*, букв. “Светлый мир” – царство человека и иных существ.	Воздух – Сила жизни
II – *Ялтыӈ мӑ*, букв. “Священная земля” – земля, по которой ходим.	Вода и Земля - основа жизни
I – *Ёлы Тӧрум* “Нижний мир” или “Тёмное царство” – мир мёртвых.	Основа-фундамент Земли – Твердь

Рис. 3. Строение Вселенной в мифологии и верованиях манси (вогулов) [по Ромбандеевой Е.И.]

Лесные ненцы также представляли Верхний мир многослойным, разделенным на ряд локальных сфер – ще’эв нум пан “семь подолов неба”, причем “подол” воспринимается как синоним слова “горизонт”. Самый верхний из них воображался такой недосягаемой бездной, что до него не долетал “ни один космонавт”. Туда мог попасть только шаман верхом на Ще’эв топта лав “Семь копыт лошади” [С.В. Айваседа, пос. Варьёган. 1998]. Касаясь вопроса о структурности Вселенной, М.А. Зенько-Немчинова отмечает сходство (“в лингвистическом и “топографическом” плане”) представлений лесных ненцев о семислойности Верхнего мира с тундрово-ненецкой моделью. “По нашему мнению, – подчёркивает исследователь, – на появление у лесных ненцев этих и других, подобных им, “знаний” в значительной степени могли повлиять не только активизировавшиеся в последнюю треть XX века этнические контакты с тундровыми ненцами, ханты и другими коренными народами Севера, но и способствующие удовлетворению их возросшего интереса к культуре соседних народов, и, особенно, религиозным традициям (в русле общей тенденции проявления интереса у россиян к религиозной культуре), а также популяризация и распространение этнографической краеведческой литературы” [47, 199–200].

Сопоставление разных вариантов многоэтажной структуры Вселенной даёт возможность не просто говорить о её универсальности, но и позволяет искать её истоки. Одно из существующих объяснений появления этой космической концепции – наблюдение древних людей за звёздным небом. Согласно этой точке зрения, следя за движениями планет по ночному небосводу, обские угры и самодийцы пришли к выводу о наличии нескольких небесных сфер-этажей – по числу планет и иных космических объектов (светил, отдельных звёзд и созвездий). Е.Г. Пушкарёва и А.А. Бурыкин предложили иное объяснение нечётности виртуальных миров (три, пять, семь) и их ограниченность числительными первого десятка, подчеркнув, что “<…> почти во всех языках числительные от 11 до 19 образуются иначе, чем числительные после 21, – в количестве миров усматривается некий психологический барьер” [35, 37].

Дискуссионным является вопрос о пе-

режитках тотемизма, которые у ряда народов Сибири тесно переплетались то с промысловым культом, то просто с почитанием животных. Для обских угров и самодийцев доказательством существования тотемизма является вера в происхождение родственной или локальной группы от животных, птиц. А также связанные с ними названия этих групп тотемические мифы, запреты убивать и есть мясо тотемного животного (или извинительные и умилостивительные обряды перед убитым животным) и др. Отмечая специфику тотемизма у ханты и манси, З.П. Соколова, вслед за В.Н. Чернецовым [48], обратила внимание на его фратриальный и родовой характер, а также на связь с социальной организацией. "Вариации в традиционных обрядах хантов и манси были тесно связаны с представлениями о принадлежности того или иного ханты или манси, к определённой фратрии – Пор или Мось", – указывает З.П. Соколова. С этими представлениями переплетались также брачные нормы и обычаи, некоторые погребальные обряды, фратриальные праздники и "медвежьи пляски" [6, 518–519].

В отличие от воззрений ханты и манси, в религиозных понятиях ненцев (учитывая присутствие в социальной структуре подразделения тэнз – племя, фратрия, народ) [49, 451] фратриальный тотемизм отсутствует. По замечанию Л.В. Хомич, "несмотря на наличие у ненцев зооморфных культовых изображений (птиц, волка, медведя) и родовых названий, означающих виды животных (Нохо – песец, Ненянг – комар), оснований считать это признаками тотемизма нет. Существует табу на настоящие названия некоторых животных: медведя (варк) называют париденя (чёрный), пэдарэй (лесной), вангутахана мэна (в берлоге находящийся); волка – сармик – тэва ямб (длиннохвостый), пихий (уличный) и т.д. Это объясняется, как уже говорилось, уверенностью, что животные могут понимать язык людей и соответствующим образом реагировать" [50, 472]. Тем не менее, в этнографической литературе приводятся материалы по тотемизму у народов Сибири, и в том числе у ненцев. Так, А.М. Золотарёв пишет о том, что тотемизм у ненцев проявляется в наличии тотемических родовых названиях, в вере в происхождение определённого рода от определённого вида животных и в запрете есть мясо тотемного животного [51, 28]. А Д.К. Зеленин, считал, что функция зооморфных онгонов (духи-амулеты) унаследована "от тотемизма" [52, 93]. Л.В. Хомич делает вывод о том, что "на приведённом ненецком материале не удаётся обнаружить сколько-либо определённых следов тотемизма", "следов тотемизма в том понимании, какое в него вкладывали Фрезер и другие, у ненцев обнаружить пока не удаётся. Возможно, это объясняется тем, что ненцы являются сравнительно поздним этническим образованием" [53, 28, 30]. Наши полевые материалы свидетельствуют о связи ненецких родов с животными, птицами и пр. Так, Йиуси и Айваседа-Тётт принадлежали к роду Гуся (Тя'пту) и имели в качестве духа-покровителя (кахэ) Тя'пту-кахэ (Гусь-божество). Одна часть Айваседа относились к роду Щуки (Пыдя) и поклонялись Щучьему богу – Пыдяң кахэ, а другая – к роду Журавля и почитала Ка'лу кахэ (Журавль божество) [ПМА, р. Юккэң явун. 1998]. Представители указанных родов придерживались соответствующих запретов: мальчики и неженатые мужчины из части рода Айваседа не употребляли в пищу щучью голову, женщинам запрещалось употреблять в пищу печень и брюшко этой рыбы и т.д. Нарушение запретов сулило беду и отсутствие удачи в рыбном (и охотничьем) промысле. Поэтому, вероятно, у ненцев формы родового тотемизма со временем тесно переплелись с промысловым культом. Кроме того, возможно влияние обских угров на ненцев в формировании у них тотемических представлений.

Далеко не полный перечень сходства и различий в отдельных элементах культуры обских угров и самодийцев позволяет прийти к следующим выводам.

Культура обских угров и самодийцев

многокомпонентна. Она обнаруживает как общие, универсальные черты (прямая туникообразная рубаха и халат, матерчатые пояса, поршневидная обувь, возможно, штаны), так и аборигенные, связанные с происхождением конкретного народа (имена и обычаи имянаречения, дуально-фратриальная система), а также черты, сформированные в результате контактов с соседствующими народами. К северным самодийским заимствованиям можно отнести оленеводство самодийского типа, сходство поселений и планировки жилищ, двойную зимнюю глухую одежду (малица, совик), унтовидную обувь.

При общем аборигенном облике культуры обско-угорских и самодийских народов в них присутствует немало южных черт (обувь с косым срезом голенища, характерный для верховой езды; распашная суконная одежда), однако в целом культура ханты, манси и ненцев имеет северный характер. При этом, как верно заметила З.П. Соколова "у северных групп обских угров ярче, чем у восточных, проявляются южные, угорские черты, у восточных ханты – аборигенные или северо-сибирские <…>" [11, 34].

Применение историко-сравнительного метода в этнографии позволяет выявить не только общие и особенные, специфические черты народа, представить полную характеристику его культуры, но и углубить исследование проблем этногенеза обских угров и самодийцев.

Литература

1. Сподина В.И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев. Новосибирск: Изд. Центр "Агро". Изд. Группа "Солярис". "ЦЭРИС", 2001. 124 с.
2. Соколова З.П. К проблеме этногенеза обских угров и селькупов // Этногенез народов Севера. М.: Наука, 1980. С. 89–117.
3. Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические общности: К постановке вопроса // СЭ. – 1955. – № 4. – С. 3–17.
4. Соколова З.П. Этнокультурные основы социально-экономического районирования России // Сибирский этнографический сборник. Вып. 9. Народы Российского Севера и Сибири. М., 1999. С. 225–299.
5. Соколова З.П. Обско-угорское жилище и его история // Дисс. … к.и.н. М., 1957.
6. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М.: Наука, 2009. 756 с.
7. Головнёв А.В. Хозяйственно-культурные типы хантов и манси и культурная адаптация // Обские угры (ханты и манси): Материлы к серии "Народы и культуры". Вып. 7. М.: Институт этнологии и антропологии РАН. 1991. С. 36–44.
8. Фёдорова Е.Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб.: Европейский Дом, 2000. 366 с.
9. Головнёв А.В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: Уральский рабочий, 1995. 606 с.
10. Сподина В.И. особенности рыболовства на малых водоёмах (на материале лесных ненцев) // ЭО. – 2014. – № 5. – С. 129–145.
11. Соколова З.П. Обско-угорский феномен (Север-Юг) // III Конгресс этнографов и антропологов России. 8–11 июня 1999 г. Тез. докл. М., 1999а. С. 29–36.
12. Лукина Н.В. Традиции и инновации в культуре хантов Томской области // ИИС. 1973. Вып. 6. С. 239–242.
13. Соколова З.П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М.: ИПА "ТриЛ", 1998. 288 с.
14. Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // Труды института этнографии АН СССР, нов. сер. М. 1963. Т. 84. С. 182–233.
15. Прокофьев Г.Н. Этногония народностей Обь-Иртышского бассейна (ненцев, нганасанов, энцев, селькупов, кетов, хантов и манси) // СЭ. – 1940. – № 3. – С. 67–76.
16. Чернецов В.Н., Мошинская В.И. В поисках древней родины угорских народов // По следам древних культур. М., 1954. С. 163–192.

17. Мартынов С.В. Печорский край : [Ч. 1–2] / С.В. Мартынов. СПб., 1905. 286 с.
18. Прыткова Н.Ф. Одежда хантов // Сборник музея антропологии и этнографии АН СССР. – 1953. – № 15. – С. 123–233.
19. Хомич Л.В. Ненцы: историко-этнографические очерки. М.; Л.: Наука, 1966. 329 с.
20. Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (восточная группа). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1985. 364 с.
21. Прыткова Н.Ф. Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах обских угров) // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века. Л.,1971. С. 101–112.
22. Бардина П.Е. Влияние русской культуры на одежду и утварь хантов Томской области // Языки и топонимия. Томск, 1976. С. 161–163.
23. Богордаева А.А. Традиционный костюм обских угров. Новосибирск: Наука, 2006. 237,1 с.
24. Соколова З.П. Преобразования в хозяйстве, культуре и быте обских угров // СЭ. – 1968. – № 5. – С. 25–39.
25. Соколова З.П. К происхождению обских угров и их фратрий (по данным фольклора) // Традиционные верования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987. С. 118–133.
26. Василевич Г.М. Типы обуви народов Сибири // Сборник Музея антропологии и этнографии. М.:Л., вып. XXI, 1963.
27. Лукина Н.В. Культурные традиции в хозяйственной деятельности хантов // Культурные традиции народов Севера. Томск, 1986. Вып. 21. С. 121–138.
28. Лукина Н.В. Материальная культура восточных хантов в прошлом и настоящем // Шестой МКФУ. Сыктывкар, 1985. Т. IV.
29. Долгих Б.О. Род, фратрия, племя у народов Северной Сибири. М., 1964.
30. Общественный строй у народов Северной Сибири (XVII-начало XX в.) / Отв. ред. И.С. Гуревич, Б.О. Долгих. М.: Наука, 1970. 454 с.
31. Соколова З.П. Общественный строй обских угров в XVII-XIX вв. // Из истории Сибири. Вып. 21. Томск, 1976. С. 220–231.
32. Чернецов В.Н. Фратриальное устройство обско-угорского общества // СЭ. – 1939. – № 11. – С. 20–42.
33. Соколова З.П. Наследственные, или предковые, имена у обских угров и самодийцев и связанные с ними обычаи // СЭ. – 1975. – № 5. – С. 42–53.
34. Песикова А.С. Взгляд изнутри культуры. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. 98 с.
35. Пушкарёва Е.Т., Бурыкин А.А. Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 390 с.
36. Мартынова Е.П. Очерки истории и культуры хантов. М.: 1998. 235 с.
37. Визгалов Г.П., Кардаш О.В. Святилище Ай-орт-ики на речке Малый Салым: историко-этнологическое исследование. Нефтеюганск: ООО “НПО “Северная археология” ”. Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2010. 216 с.
38. Фёдорова Е.Г. Салымский край. Религия. Гл. VIII. Екатеринбург, 2000а. С. 284–288.
39. Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и её обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск: УрО РАН; Студия “ГРАФО”, 2006. 352 с.
40. Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура (по данным фольклора и обрядов). Сургут: АИИК “Северный дом” и Северо-Сибирское региональное книжное издательство, 1993. 207 с.
41. Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Сборник фольклора народа манси (вогулов). Л.: Гослитиздат, 1935. 143 с.
42. Источники по этнографии Западной Сибири: Дневники В.Н. Чернецова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1987. 284 с.
43. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века). Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ: 2010. 282 с. Фёдорова Е.Г. Жертвенные животные в культуре манси //Традиционное мировоззрение народов Сибири. М., 1996. С. 130–154.
44. Ромбандеева Е.И. Героический эпос манси (вогулов): Песни святых покровителей / Е.И. Ромбандеева. Ханты-Мансийск: ООО “Принт-Класс”, 2010. 648 с.

45. Мифы и предания ненцев Ямала / авт.-сост. Л.А. Лар. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. 294 с.
46. Зенько-Немчинова М.А. Сибирские лесные ненцы: Историко-этнографические очерки. Екатеринбург: Баско, 2006. 272 с.
47. Чернецов В.Н. Медвежий праздник у обских угров / Пер. с нем. и публикация д-ра ист. наук Н.В. Лукиной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 48 с.
48. Головнёв А.В. Ненцы. Социальная организация и общественный быт // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. Гл. 5. / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. С. 451–459.
49. Хомич Л.В. Ненцы. Мировоззрение и культы // Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. Гл. 7. / отв. ред. И.Н. Гемуев, В.И. Молодин, З.П. Соколова. М.: Наука, 2005. С. 468–476.
50. Золотарёв А.М. Пережитки тотемизма у народов Сибири. Л., 1934.
51. Зеленин Д.К. Культ онгонов в Сибири. М.: Изд-во АН СССР, 1936. 436 с.
52. Хомич Л.В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976. 189 с.

References

1. Spodina V.I. Predstavlenie o prostranstve v tradicionnom mirovozzrenii lesnyh nencev. Novosibirsk: Izd. Centr “Agro”. Izd. Gruppa “Soljaris”. “CJeRIS”, 2001. 124 s.
2. Sokolova Z.P. K probleme jetnogeneza obskih ugrov i sel’kupov // Jetnogenez narodov Severa. M.: Nauka, 1980. S. 89–117.
3. Levin M.G., Cheboksarov N.N. Hozjajstvenno-kul’turnye tipy i istoriko-jetnograficheskie obshhnosti: K postanovke voprosa // SJe. – 1955. – № 4. – C. 3–17.
4. Sokolova Z.P. Jetnokul’turnye osnovy social’no-jekonomicheskogo rajonirovanija Rossii // Sibirskij jetnograficheskij sbornik. Vyp. 9. Narody Rossijskogo Severa i Sibiri. M., 1999. S. 225 – 299.
5. Sokolova Z.P. Obsko-ugorskoe zhilishhe i ego istorija // Diss. … k.i.n. M., 1957.
6. Sokolova Z.P. Hanty i mansi: vzgljad iz XXI v. M.: Nauka, 2009. 756 s.
7. Golovnjov A.V. Hozjajstvenno-kul’turnye tipy hantov i mansi i kul’turnaja adaptacija // Obskie ugry (hanty i mansi): Materily k serii “Narody i kul’tury”. Vyp. 7. M.: Institut jetnologii i antropologii RAN. 1991. S. 36–44.
8. Fjodorova E.G. Rybolovy i ohotniki bassejna Obi: Problemy formirovanija kul’tury hantov i mansi. SPb.: Evropejskij Dom, 2000. 366 s.
9. Golovnjov A.V. Govorjashhie kul’tury. Tradicii samodijcev i ugrov. Ekaterinburg: Ural’skij rabochij, 1995. 606 s.
10. Spodina V.I. osobennosti rybolovstva na malyh vodojomah (na materiale lesnyh nencev) // JeO. – 2014. – № 5. – S. 129–145.
11. Sokolova Z.P. Obsko-ugorskij fenomen (Sever-Jug) // III Kongress jetnografov i antropologov Rossii. 8–11 ijunja 1999 g. Tez. dokl. M., 1999a. S. 29–36.
12. Lukina N.V. Tradicii i innovacii v kul’ture hantov Tomskoj oblasti // IIS. 1973. Vyp. 6. S. 239–242.
13. Sokolova Z.P. Zhilishhe narodov Sibiri (opyt tipologii). M.:IPA “TriL”, 1998. 288 s.
14. Sokolova Z.P. Materialy po zhilishhu, hozjajstvennym i kul’tovym postrojkam obskih ugrov // Trudy instituta jetnografii AN SSSR, nov. ser. M. 1963. T. 84. S. 182–233.
15. Prokof’ev G.N. Jetnogonija narodnostej Ob’-Irtyshskogo bassejna (nencev, nganasanov, jencev, sel’kupov, ketov, hantov i mansi) // SJe. – 1940. – № 3. – S. 67–76.
16. Chernecov V.N., Moshinskaja V.I. V poiskah drevnej rodiny ugorskih narodov // Po sledam drevnih kul’tur. M., 1954. S. 163–192.
17. Martynov S.V. Pechorskij kraj : [Ch. 1–2] / S.V. Martynov. SPb., 1905. 286 s.
18. Prytkova N.F. Odezhda hantov // Sbornik muzeja antropologii i jetnografii AN SSSR. – 1953. – № 15. – S. 123–233.
19. Homich L.V. Nency: istoriko-jetnograficheskie ocherki. M.; L.: Nauka, 1966. 329 s.

20. Lukina N.V. Formirovanie material'noj kul'tury hantov (vostochnaja gruppa). Tomsk, 1985. 364 s.
21. Prytkova N.F. Odin iz istochnikov izuchenija odezhdy narodov Sibiri (na materialah obskih ugrov) // Religioznye predstavlenija i obrjady narodov Sibiri v XIX – nachale HH veka. L.,1971. S. 101–112.
22. Bardina P.E. Vlijanie russkoj kul'tury na odezhdu i utvar' hantov Tomskoj oblasti // Jazyki i toponimija. Tomsk, 1976. S. 161–163.
23. Bogordaeva A.A. Tradicionnyj kostjum obskih ugrov. Novosibirsk: Nauka, 2006. 237,1 s.
24. Sokolova Z.P. Preobrazovanija v hozjajstve, kul'ture i byte obskih ugrov // SJe. – 1968. – № 5. – S. 25–39.
25. Sokolova Z.P. K proishozhdeniju obskih ugrov i ih fratrij (po dannym fol'klora) // Tradicionnye verovanija i byt narodov Sibiri. Novosibirsk,1987. S. 118–133.
26. Vasilevich G.M. Tipy obuvi narodov Sibiri // Sbornik Muzeja antropologii i jetnografii. M.:L., vyp. XXI, 1963.
27. Lukina N.V. Kul'turnye tradicii v hozjajstvennoj dejatel'nosti hantov // Kul'turnye tradicii narodov Severa. Tomsk, 1986. Vyp. 21. S. 121–138.
28. Lukina N.V. Material'naja kul'tura vostochnyh hantov v proshlom i nastojashhem // Shestoj MKFU. Syktyvkar,1985a. T. IV.
29. Dolgih B.O. Rod, fratrija, plemja u narodov Severnoj Sibiri. M., 1964.
30. Obshhestvennyj stroj u narodov Severnoj Sibiri (XVII-nachalo HH v.) / Otv. red. I.S. Gurevich, B.O. Dolgih. M.: Nauka, 1970. 454 s.
31. Sokolova Z.P. Obshhestvennyj stroj obskih ugrov v XVII-XIX vv. // Iz istorii Sibiri. Vyp. 21. Tomsk, 1976. S. 220–231.
32. Chernecov V.N. Fratrial'noe ustrojstvo obsko-ugorskogo obshhestva // SJe. – 1939. – № 11. – S. 20–42.
33. Sokolova Z.P. Nasledstvennye, ili predkovye, imena u obskih ugrov i samodijcev i svjazannye s nimi obychai // SJe. – 1975. – № 5. – S. 42–53.
34. Pesikova A.S. Vzgljad iznutri kul'tury. Hanty-Mansijsk: Poligrafist, 2006. 98 s.
35. Pushkarjova E.T., Burykin A.A. Fol'klor narodov Severa (kul'turno-antropologicheskie aspekty). SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2011. 390 s.
36. Martynova E.P. Ocherki istorii i kul'tury hantov. M.: 1998. 235 s.
37. Vizgalov G.P., Kardash O.V. Svjatilishhe Aj-ort-iki na rechke Malyj Salym: istoriko-jetnologicheskoe issledovanie. Neftejugansk: OOO "NPO "Severnaja arheologija" ". Ekaterinburg: Izd-vo AMB, 2010. 216 s.
38. Fjodorova E.G. Salymskij kraj. Religija. Gl. VIII. Ekaterinburg, 2000a. S. 284–288.
39. Perevalova E.V., Karacharov K.G. Reka Agan i ejo obitateli. Ekaterinburg; Nizhnevartovsk: UrO RAN; Studija "GRAFO", 2006. 352 s.
40. Rombandeeva E.I. Istorija naroda mansi (vogulov) i ego duhovnaja kul'tura (po dannym fol'klora i obrjadov). Surgut: AIIK "Severnyj dom" i Severo-Sibirskoe regional'noe knizhnoe izdatel'stvo, 1993. 207 s.
41. Chernecov V.N. Vogul'skie skazki. Sbornik fol'klora naroda mansi (vogulov). L.: Goslitizdat, 1935. 143 s.
42. Istochniki po jetnografii Zapadnoj Sibiri: Dnevniki V.N. Chernecova. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1987. 284 s.
43. Ivanova V.S. Lokal'nye osobennosti v obrjadnosti severnyh mansi (konec XIX – nachalo XXI veka). Hanty-Mansijsk: IIC JuGU: 2010. 282 s. Fjodorova E.G. Zhertvennye zhivotnye v kul'ture mansi //Tradicionnoe mirovozzrenie narodov Sibiri. M., 1996. S. 130–154.
44. Rombandeeva E.I. Geroicheskij jepos mansi (vogulov): Pesni svjatyh pokrovitelej / E.I. Rombandeeva. Hanty-Mansijsk: OOO "Print-Klass", 2010. 648 s.
45. Mify i predanija nencev Jamala / avt.-sost. L.A. Lar. Tjumen': Izd-vo IPOS SO RAN, 2001. 294 s.
46. Zen'ko-Nemchinova M.A. Sibirskie lesnye nency: Istoriko-jetnograficheskie ocherki. Ekaterinburg: Basko, 2006. 272 s.

47. Chernecov V.N. Medvezhij prazdnik u obskih ugrov / Per. s nem. i publikacija d-ra ist. nauk N.V. Lukinoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2001. 48 s.
48. Golovnjov A.V. Nency. Social'naja organizacija i obshhestvennyj byt // Narody Zapadnoj Sibiri: Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Jency. Nganasany. Kety. Gl. 5. / otv. red. I.N. Gemuev, V.I. Molodin, Z.P. Sokolova. M.: Nauka, 2005. S. 451–459.
49. Homich L.V. Nency. Mirovozzrenie i kul'ty // Narody Zapadnoj Sibiri: Hanty. Mansi. Sel'kupy. Nency. Jency. Nganasany. Kety. Gl. 7. / otv. red. I.N. Gemuev, V.I. Molodin, Z.P. Sokolova. M.: Nauka, 2005. S. 468–476.
50. Zolotarjov A.M. Perezhitki totemizma u narodov Sibiri. L., 1934.
51. Zelenin D.K. Kul't ongonov v Sibiri. M.: Izd-vo AN SSSR, 1936. 436 s.
52. Homich L.V. Problemy jetnogeneza i jetnicheskoj istorii nencev. L.: Nauka, 1976. 189 s.